

**ДЕРЕВНЯ В ТВОРЧЕСТВЕ ЗАХАРА ПРИЛЕПИНА
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «САНЬКЯ» И СБОРНИКА РАССКАЗОВ
«БОТИНКИ, ПОЛНЫЕ ГОРЯЧЕЙ ВОДКОЙ»)**

А. И. Богатырева

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 2 августа 2014 г.

Аннотация: в данной статье рассматривается хронотоп деревни в творчестве Захара Прилепина. Анализу подвергается роман «Санькя» и сборник рассказов «Ботинки, полные горячей водкой».

Ключевые слова: Захар Прилепин, деревня, хронотоп, образ бабушки.

Abstract: this article chronotope of a village is considered in Z. Prilepin's works. Novel «Sanka» and a collection of short stories «Boots full of hot vodka» are analysed.

Key words: Zakhar Prilepin, a village, a chronotope, the image of her grandmother.

В эссе «Ваше императорское величие» Захар Прилепин сказал о себе: «я последний писатель деревни» [1; 430]. Не единожды в своих интервью писатель замечал, что «деревня как фактор русской жизни перестала существовать» [2]. Писатель отмечает потерю ощущения почвы, которая в его творчестве предстает символом связи с предками. Прилепин утверждает, что «вместе с деревней мы отрубам огромный пласт своей жизни, своего сознания, своей души» [3]. Эти мысли красной нитью проходят через все творчество писателя, и в данной статье мы рассмотрим способы их выражения в романе «Санькя» и сборнике рассказов «Ботинки, полные горячей водкой».

В романе «Санькя» (выпущен в 2006 году) символическое значение приобретает невозможность возврата в родную деревню. В первый раз этот мотив возникает во время похорон отца, во второй — когда Сашка с друзьями хочет спрятаться в деревне. Машина героев застревает между городом и деревней, а сами герои — между двумя Россиями. Олег, водитель машины, произносит ключевую фразу: «Вчера бы проехали. Сегодня — нет» [4; 315]. В недалеком прошлом вернуть Родину еще было возможно, а сегодня путь непреодолим. Между прошлой деревней и сегодняшним городом — огромный временной провал.

Настоящая деревня умирает вместе со стариками и мужиками, новое поколение абсолютно не пересекается с прежней жизнью, что показано в первой главе, когда Сашка приезжает к бабушке и дедушке в гости. Подходя к родному дому, Санька замечает всегда неизменно сидящую на скамейке бабушку, а рядом на улице — невесело играющего ребенка. Бабушка и мальчик воплощают собой два разных

поколения, которые не обращают друг на друга внимания, живут будто в разных мирах: «Бабушка и ребенок словно находились в разных измерениях» [4; 35]; «Деревня исчезала и отмирала — это чувствовалось во всем. <...> Среди всего этого медленного и почти завершившегося распада ребенок смотрелся странно, стыдно, неуместно» [4; 36].

Но и сам главный герой не хочет задержаться в деревне надолго. Все вокруг кажется мертвым, уходящим: «Ему давно уже казалось, что, возвращаясь в деревню, сложно проникнуться какой-либо радостью — настолько уныло и тошно было представавшее взгляду» [4; 33], «Саша даже не попытался рассмотреть остановившихся, чтобы никого не узнать. Все было чуждым» [4; 33], «Дорога была изуродована и грязна» [4; 34], Санька идет, «постепенно погружаясь в неприглядность и запустение» [4; 34]. Он изо всех сил старается не вымазаться в землю, но все равно пачкается, после чего ступает «в черную гущу» уже «обреченно» [4; 34]: прошлое словно тащит его за собой, в умирание, в землю.

В деревенском стойле нет «ни одной мохнатой души» [4; 35]. Домашняя скотина в творчестве Прилепина — один из символов устоявшегося, традиционного жизненного уклада, и это замечание помогает в полной мере понять: родная страна опустела. Значимо, что из стойла увели даже корову: «десять лет, как оттуда увели в последнюю дорожку корову Доманьку» [4; 35]. Кличка у коровы говорящая, в ней сочетается исконно русское «Манька» и слово «дом» — отчий дом. Бабушка с дедом собственноручно уничтожают оставшихся животных — последние следы своего быта («Нонешней зимой последних уток порезали» [4; 38]). Дед и сам мучительно долго умирает, страстно желая избавления от существования; ему уже не терпится разорвать цепь, связывающую его с новым, измененным миром,

в котором старикам не находится места: «Жизнь очень долгая. Надоела уже. Лежу вот, никак не могу помереть» [4; 39].

В сборнике «Ботинки, полные горячей водкой» (выпущен в 2008 году) есть несколько рассказов, развивающих тему деревни в ее связи с современной городской культурой. Рассмотрим два из них: «Бабушка, осы, арбуз» и «Смертная деревня».

В рассказе «Бабушка, осы, арбуз» образ бабушки приобретает символическое значение. Повествование делится на две части: в первой герой вспоминает счастливый летний день, когда семья после сбора картошки собралась за столом поесть арбуз; во второй части повзрослевший герой возвращается в деревню, в гости к бабушке, вместе с женой. Малая родина уже не выглядит такой солнечной и счастливой, и на персонажа это производит угнетающее впечатление.

Рассказ изобилует знаковыми деталями. В первую очередь это осы. После того, как за столом был разрезан арбуз, на людей налетел целый рой. Все участники застолья были испуганы. «Взрослые мужчины» ушли из-за стола первыми, скоро за ними последовали остальные. И только бабушка «сидела недвижимо, медленно поднимала поданный ей красный серп арбуза и, улыбаясь, надкусывала сочное и ломкое. <...> Осы садились на арбуз, но, когда бабушка откусывала мякоть, они переползали дальше, прямо из-под зубов ее и губ, в последнее мгновение перед укусом» [5; 207]. Когда внук спрашивает ее, почему она не боится укусов, бабушка удивленно говорит: «Зачем им меня кусать?» [5; 207]. В конце, когда все расходятся, рассказчик подчеркивает: «Бабушка тихо сидела одна» [5; 208].

Недвижимость бабушки из этого рассказа является зеркальным отображением похожего описания в «Саньке»: «Да, бабушка сидела на лавочке — бесстрастно и недвижимо; казалось, она не видит ничего» [4; 35]. В обеих сценах подчеркивается неподвижность и кажущаяся слепота бабушки: в одном случае она не замечает ос, в другом — играющего ребенка. Но эмоциональная окраска этих эпизодов полярно разнится. Как уже говорилось выше, в «Саньке» ребенок — это воплощение нового поколения, которое отрывается от деревни, снимается с насиженных мест. В этом случае бабушка оказывается в другом измерении, она выступает стражем устоявшегося жизненного уклада, связывавшего разные поколения. Она недвижима не как бессильный человек, а как хранитель. При этом все ее ценности уже поруганы, но это не останавливает ее стремления вести быт «как положено», поддерживать дом, ждать внука.

Бабушка в рассказе «Бабушка, осы, арбуз» недвижима как человек, ощущающий себя в безопасности. Она абсолютно не понимает, почему нужно ждать чего-то плохого в окружающем родном мире,

и только рада, что осам также «сладко» [5; 207], как и ей. Осы и бабушка похожи, и насекомые здесь предстают проекцией русского народа. Будучи частями единого целого, они не могут причинять друг другу вред: бабушка не гонит насекомых, а они не кусают бабушку.

Арбузы в данном рассказе — метафорическое воплощение жизненной полноты крестьянского мира. Арбузы неправдоподобно огромны (в них «можно было, выев мякоть, переплыть небольшой ручей» [5; 204]), они, будто привораживая, притягивают всю семью к столу: «Наспех закончив свои грядки, бабы сошлись к арбузу и застыли в оцепенении» [5; 204]. На одну бабушку не распространяется магия арбузов — прежде чем подойти к столу, она не спеша заканчивает свои дела. Причина в том, что бабушка и без того связана со всеми членами семьи непрерываемой нитью, ей для того, чтобы чувствовать эту связь, не нужен «сказочный» объект.

После того, как арбуз съеден, он теряет свою волшебную привлекательность: «Утром брошенные арбузные корки смотрятся неряшливо, белая изнанка их становится серой, и по ней вместо ос ползают мухи. Так смотрелась вчерашняя моя деревня: будто кто-то вычерпал из нее медовую мякоть августа, и осталась серость и последние мухи на ней» [5; 208]. Ос, солнечных деревенских жителей, сменяют «последние» мухи, которые наводят на мысль о последних жителях разоренной деревни: спившихся, больных, постаревших и несчастных, а также тех, кто эту деревню разрушил. В деревне сегодняшнего дня рассказчику неуютно, даже солнце видится ему иным: «мне хочется встать и долго смотреть на солнечный диск, будто расставаясь с ним на долгое счастливое плавание» [5; 201] (в начале) и «...И солнце болит и держится косо, как вывихнутое плечо...» [5; 210] (в конце).

Бабушка остается единственным человеком в семье, который встраивается в деревню дня сегодняшнего. Она сама — одна из ос, проведшая жизнь свою «в служении» [5; 210], вкушая «малую сладость» [5; 209], в «незаметном» труде [5; 209], как и всякая русская женщина.

Главный герой, мужчина, восхищается бабушкой, но при этом сам бесконечно далек от ее способности сливаться с природой, народом, Родиной. Он говорит про свое, новое поколение: «Мы не сумели так жить». Главный герой рассказа — «мужик», а у мужиков совсем другой взгляд на труд и жизнь. Мужики лентяят, хитрят и разбивают своим любимым женщинам сердца: «Расколотое на несколько частей, но еще живое бабушкино сердце — вот упорный мужицкий труд» [5; 209].

Жена героя, несмотря на то, что она принадлежит новому поколению, еще хранит уходящие черты русской женщины: «Жена сидела недвижимо, очарованная и смертно любимая мной. Подожди, я

сломаю и твое сердце» [5; 210]. Мотивы очарованности и разбитого сердца отсылают нас к образам деревенских женщин из начала рассказа.

Знаковый эпизод — отдых героя с женой у реки. Там героя кусает оса, притаившаяся у земли, у почвы: «Другой рукой я сжал траву и землю, в которой лежали мои близкие, которым было так весело, нежно, сладко совсем недавно, и вдруг почувствовал ладонью злой укол и ожог. <...> в траве лежала оса, я ее раздавил» [5; 211]. Герой против воли выбивается из деревенского мира, даже обращаясь к праху своих предков, он все равно не может восстановить связь с природой и убивает осу. Но все же любовь к Родине, которую олицетворяет это насекомое, становится частью его самого, через руку проходит в сердце: «В ладони разрасталась нудная боль, словно оса поселилась под кожей и жаждала вырваться, разбухая, истекая под моей кожей горячей, жгучей осиною кровью» [5; 211]. Это близко эпизодам из публицистики и художественных произведений Прилепина, в которых он передает чувство любви к Родине через телесные метафоры. Так, в эссе «Я пришел из России» Прилепин пишет: «Русь моя, ребра мои. Сердце внутри» [1; 196]; «Домой надо. Мама дома. В груди болит. В валенках хрусткий снег, жжет сквозь носки шерстяные — да, бабушка связала. Мои позвонки во мне. Моя кровь течет. Я пришел из России» [1; 195]; «Родина моя, родинка на моем запястье, где вена бьет» [1; 197]; «Русь моя, голоса твои меж ребер — эхом. Сердце внутри. Люблю — и бьется. А разлюблю — и...» [1; 198]. Родина переживается здесь как часть себя, жизненно необходимый орган. Но герой рассказа «Бабушка, осы, арбуз» (в заголовок вынесены все «русские» символы) оказывается не в силах в своем нынешнем состоянии перенести трагичный зов Родины: он почти бежит из бабушкиного дома, не обращая внимания на то, что жена еще не закончила разговор с бабушкой.

Значимо, что на берегу герой увидел в реке лодку: «Неподалеку стояла лодка, старая, разохшаяся, мертвая. Она билась о мостки, едва колыхаемая, на истлевшей веревке» [5; 210]. Эта лодка — еще один символ России, перекликающийся со сказочным арбузом, на котором можно было переплыть ручей. В прежней деревне люди были способны на многое, они могли преодолевать препятствия средствами, совсем к этому не предназначенными. Сейчас же, в разоренной современностью деревне, даже лодка, которая создана, чтобы плыть, брошена. Но стоит заметить симптоматичную черту: хотя лодка разохлась, она все же не тонет. Это — воплощенная надежда героя и автора на восстановление деревни: «Подожди, скоро отчалим. Скоро поплывем» [5; 211], — шепчет он вечером, вслушиваясь в стук своего сердца.

Николай Крижановский в статье «Такие «пацанские» рассказы» пишет о сборнике «Ботинки, полные

горячей водкой»: «Россия, из которой, как мы помним, пришёл Прилепин, в «пацанских рассказах» — это обезверившаяся страна, с напрочь забытым прошлым, с пацанским, полууголовным, похотливо-пьяным настоящим и с опошленным будущим. Судя по сборнику, Прилепин-писатель теряет русское, коренное, знакомое и близкое ему с детства. Традиционное, подсознательно-христианское, заложенное родителями и родителями родителей, стирается в его творчестве. Писатель уходит от православного идеала, от русского и от России. Уходит всё дальше и дальше. Прилепин теряет главное, но надеюсь, окончательно ещё не потерял» [6]. Нам это утверждение видится в корне неверным. Частично мы уже опровергли такое видение на материале рассказа «Бабушка, осы, арбуз», а теперь перейдем к рассказу «Смертная деревня», где на первый взгляд деревня, действительно, может показаться местом зловещим, потерянным.

Об этом произведении Сергей Беляков в статье «Две души Захара Прилепина» пишет: «Смертная деревня» — готическая история в среднерусском антураже» [7], а Николай Крижановский утверждает: «Самый отвратный рассказ — «Смертная деревня» — написан в лучших традициях западноевропейских представлений о русском народе — кровожадном, мерзком чудище, стране людоедов, барыг и сумасшедших уродов». С первым утверждением можно согласиться: повествование в данном рассказе построено довольно зловеще, в него проникают мотивы страшной сказки: «Неведомый кто-то пропал, и звуков больше не было» [5; 178]; «Немножко побегали, согреваясь, на полянке, как два лесных морока» [5; 180]; «Эка невидаль из леса вышла... Начудит же Господь!» [5; 181]; «лес кончился — остался, корявясь сучьем и тяжело дыша в затылок, за спиной» [5; 181]; «налил себе чаю и <...> выпил его, горячий, <...> как-то не по-человечески» [5; 183]; «много черных сучьев со всех сторон выламывали себе хрусткие суставы...» [5; 185]. Даже мечты о пристанище сопряжены с фольклорными образами старинных языческих обрядов, имеющих зловещий налет: «Сейчас придем, а там девки хоромы водят, — мечтал он. — Через костры прыгают. Венки вьют, по воде пускают» [5; 180].

Героев пленил лес, в котором они заблудились на пути к «корешу» братика. Лес подчиняет героев себе. Они боятся неведомых звуков, сердце повествователя объято ужасом: «сердце падало в самый низ и долго потом поднималось обратно, еле живое и скользкое» [5; 179]; «Внутри у меня все неизвестно отчего затрепетало, словно сердце мое вырезали из холодца» [5; 185].

Таким образом, хронотоп леса — это Древняя Русь, полная загадок и тайн, суеверий и предрассудков, скрытая во тьме веков. Через этот лес герои, на которых лежит очевидная печать низкой, крими-

нальной современности (о чем свидетельствует их словарь: слова «кореш», «мокруха» [5; 188], «мутил» [5; 190]; «братки» [5; 191]) пробираются к людям. В рассказе две деревни: та самая «Смертная» и деревня «кореша», причем «Смертная» тесно связана с лесом. Это проявляется и в неприветливой встрече путников собачьим лаем («В лесу не сожрали, а здесь загрызут» [5; 181]), и в развитии мотива «жуткого»: хозяин дома пьет чай «не по-человечески» и сказочно силен [5; 183], а хозяйка выглядит неправдоподобно моложе своих лет и ведет себя странно: «— Она в той стороне, — сказала женщина, хотя никакую сторону не указала» [5; 182]. Кроме того, подчеркивается, что хозяйка дома неподвижна: «метрах в трех от нас стоит человек, прямой и спокойный <...> Голос тоже был прям и спокоен» [5; 182, –] читаем мы в издании сборника 2009 года выпуска; а вот в последующих изданиях появляется правка автора: «метрах в трех от нас стоит человек, прямой и недвижимый» [8; 352 и 9; 512]. Очевидно, Прилепину захотелось усилить статичность образа, да и слово «недвижимый» в контексте творчества автора значит очень много. Вспомним образы бабушек из «Саньки» и рассказа «Бабушка, осы, арбуз». Именно этим словом характеризовались самые значимые, дорогие для повествователя образы, связанные с деревней, с истинной, правильной жизнью, с праведным прошлым. Это первая для внимательного читателя подсказка, что деревня, в которую попадают герои, и дом «недвижимой» хозяйки имеют положительную коннотацию.

Хозяева обходятся с путниками весьма дружелюбно, укладывают их спать. Главный герой забывается, а вот братик его беспокоен. Посреди ночи он будит героя: «Здесь пахнет как на бойне, <...> Я работал на бойне, я помню <...> Вставай, ты» [5; 185]. Здесь стоит вспомнить о символическом значении домашнего скота, которое мы определили выше. Поскольку корова или свинья как домашнее животное может выступать знаком Руси, то запах скотобойни — сигнал распада традиционных устоев деревенской Руси. Этот запах непереносим для братика главного героя, который в полной мере — дитя нового времени (о чем говорят особенности его поведения, выведенные в «Пацанском рассказе», «Блядском рассказе», «Собачатине»: он не гнушается женщин легкого поведения, разборок, сомнительного бизнеса; он употребляет в речи «тюремные» словечки, да и сам недавно отсидел). Запах бойни — это запах гибнущей истины, естественности. Братик заставляет повествователя бежать из дома приютивших их стариков.

Герои вновь заходят в «сказочный», зловещий лес. Им приходится переплывать реку: «Вода была теплой и тяжелой» [5; 187]; плыть оказалось «мучительно и страшно» [5; 187]. Вновь появляется мотив увязания на дороге прошлое–современность. Опи-

сание страшного ночного леса после преодоления реки резко обрывается: герои еще слышат собачий лай, но довольно скоро рассветает, мир перестает быть ирреальным. Братик рассказывает повествователю «легенду» о деревне, в которой они только что побывали, а кореш, к которому герои в конце концов все-таки попадают, дополняет ее. Выясняется, что деревня эта называется «Воры» или «Тихое» [5; 194], при том что приютившая героев женщина сказала: «А мы без прозванья живем, кому нас называть» [5; 183].

Деревня оказывается затеряна во времени и пространстве: к ней нет нормальной дороги, у нее нет определенного названия, чтобы покинуть зачарованное место, нужно переплыть реку, которая представляется границей, отделяющей здешний мир от нездешнего. Деревня без названия, которой нет на карте, для современного человека — несуществующее место. Очевидно, поэтому жители соседней деревни стремятся придумать ей хоть какое-то название, материализовать пугающий локус, но у них это не получается — название расплывается, дробится и тоже получается «немым»: имя «Тихое» само по себе является смысловым провалом, говорящим лишь о невозможности понять, услышать.

Для кореша соседняя деревня — потусторонний мир. Будучи подростком, однажды он залез с другом в один из дворов, чтобы поживиться чужим добром, но увидел в сарае труп с перерезанным горлом. Интересно проследить мотивы «страшной сказки» и в этой сцене: сначала персонажи попадают в сарай легко, «узкоробые» [5; 192]; а вот после того, как они увидели то, что не предназначалось для их глаз, ребята, убегая, оставили на заборе «по лоскуту кожи с юных ребер» [5; 193]. Пространство деревни как бы сужается, превращаясь в ловушку для своих врагов. Хозяева двора тоже кажутся корешу удивительными: «муж исчез со двора неприметно» [5; 193], как призрак.

Кореш рассказывает повествователю и его братику, что деревня эта якобы основана каторжанами, ездят они до сих пор на лошадях, все уже породнились, поскольку с внешним миром контакта не имеют, и церковь никогда не строили. Кроме того, считается, что поминать их — «к смерти» [5; 196]. Герои шокированы этими сведениями и рады, что сбежали из страшного места. Впрочем, повествователь замечает: «А может, это чепуха все» [5; 196].

Когда приходит время уезжать домой, повествователь с братиком неожиданно встречает на платформе деда, приютившего их страшной ночью: он продает фрукты и ягоды, которых герои решили купить маме. Сам факт присутствия старичка на станции говорит о том, что рассказ кореша был всего лишь суеверными байками — жители «тихой» деревни на самом деле охотно вступают в контакт с людьми. Тем не менее, парни впадают в оцепенение, а вот старичок вовсе не чувствует смущения. Он

рад видеть ребят, расспрашивает их, почему они ушли, не попрощавшись: «А вы здесь, голуби? — обрадовался дед» [5; 198]; «улыбался дед, удивляя хорошими зубами» [5; 198]; «Бог спасет, Бог спасет, — отозвался дед»; «Глаза его были добры и лучисты» [5; 199]. В образе деда появляется еще одна черта, характерная для деревенских героев Прилепина, воплощающих уходящую Русь, светлую деревню — слезящиеся глаза: «В одном <глазу> собиралась и никак не могла собраться мутная слезинка, словно старику было смертельно жаль чего-то» [5; 199]. Очевидно, «жаль» деду именно своей жизни, своей деревни, провалившейся в небытие.

Суеверными, «дремучими» в этом рассказе показывают себя как раз молодые люди, принадлежащие дню сегодняшнему, в том числе кореш, который, хоть и живет в деревне, но безнадежно оторван от природы. Кореш упрекал жителей Тихого в том, что они не молятся Богу: «не знаю, кому они молились и молятся... Ну, ты знаешь, Валек, кровавая порука крепче попа держит...» [5; 195]. Между тем дедушка своей фразой «Бог спасет» убедительно доказывает, что живет он с Богом в душе, и православная вера вошла в него органично и истинно.

Дед угощает ребят ягодами и яблоками (яблоко три — священное в православии число). Усевшись в электричку, герои сначала молчат, а потом повествователь говорит: братик «разговелся наконец» [5; 199]. Значимо слово «разговелся». В пасхальном Огласительном слове Иоанна Златоуста сказано о праздничном разговлении: «Постившиеся и непостившиеся, возвеселитесь сегодня. Трапеза полна, насладитесь все. Телец велик, пусть никто не уйдет голодным. Все наслаждайтесь пиром веры; все вкусите от богатства благодати». Таким образом, разговление в православной вере — это символ великой радости избавления от смерти и достижения благодати. Герои, кусая яблоки, которыми их угостил старичок, отказываются на какое-то время от своих страхов, связанных с уходящей деревней, и приобщаются к истинной, природной, радостной жизни, в которой нет места запаху бойни: «Брызнуло живым из-под зубов» [5; 199].

Подводя итог, можно отметить, что уходящая деревня в творчестве Захара Прилепина является одним из основных образов, и писатель последовательно стремится доказать важность ее сохранения для самосознания русского народа. Важнейшими символическими образами являются бабушка и почва; неизменно сопряженные с ними мотивы — недвижимость и увязание. Захар Прилепин последовательно проводит в своем творчестве идею о необходимости сохранять традиционные ценности. Жизнь условного «города», все сильнее клонящаяся в сторону европейских ценностей, неприемлема, поскольку означает духовную смерть русского народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Прилепин Захар. К нам едет Пересвет : отчет за нулевые / Захар Прилепин. — М. : Астрель, 2012. — 444, [4] с.
2. Бондарева Алена Захар Прилепин: «В эстетическом смысле я экстремист» // Захар Прилепин: официальный сайт писателя. Режим доступа: <http://www.zaharprilepin.ru/ru/prensa/intervyu/moskovskij-dom-knigi.html>
3. Ахмедова Марина «По мне не будут причитать» // Эксперт Online. [09.07.2013]. – Режим доступа: <http://expert.ru/2013/07/9/po-mne-ne-budut-prichitat/>
4. Прилепин Захар Санька: Роман / Захар Прилепин. — М. : Ад Маргинем Пресс, 2009. — 368 с.
5. Прилепин Захар Ботинки, полные горячей водкой: пацанские рассказы / Захар Прилепин. — М. : АСТ: Астрель, 2009. — 217, [7] с.
6. Крижановский Николай. Такие «пацанские» рассказы... / Николай Крижановский // Литературная Россия. – 2009. – № 38. – Режим доступа: <http://www.litrossia.ru/2009/38/04519.html>
7. Беляков Сергей. Две души Захара Прилепина / Сергей Беляков // Частный корреспондент [19.02.2009]. – Режим доступа: http://www.chaskor.ru/article/dve_dushi_zahara_prilepina_3661
8. Прилепин Захар. Грех и другие рассказы: Сборник / Захар Прилепин. — М. : АСТ, Астрель, 2011. — 413 с.
9. Прилепин Захар Дорога в декабре: Патологии; Грех; Ботинки, полные горячей водкой; Санька, Черная обезьяна; Лес: Романы, повести, рассказы / Захар Прилепин. — М. : АСТ, 2013. — 1052 с.

*Воронежский государственный университет
Богатырева А. И., аспирант кафедры русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и фольклора
E-mail: Anjelok@yandex.ru*

*Voronezh State University
Bogatyreva A. I., Post-graduate Student of the Russian Literature of the XX and XXI Centuries, Theory of Literature and Folklore Department
E-mail: Anjelok@yandex.ru*